

Елена Фирсова:

«ГЛАВНОЕ В НАШЕМ МИРЕ —
ИСКУССТВО И КРАСОТА»Русский композитор в Великобритании
Елена Фирсова размышляет о музыке западной
и российской, о жизни и творчестве

– Елена, вы считаете себя композитором больше русской традиции или европейской?

– Я всегда считала, что принадлежу европейской традиции, даже когда жила в России. Важнее всего для меня австро-немецкая музыка – Бах, Бетховен, обе венские школы – и старая, и новая. В европейской музыке все вышло из австро-немецкой традиции.

– Наверное, Вагнер вам тоже близок: в начале «Кассандры» вы даже цитируете лейтмотив судьбы из его «Гибели богов». А иногда я слышу в ваших сочинениях нечто мистически-скрябинское...

– Я назвала самые важные для меня имена, но это не значит, что я не признаю другие, в том числе русские. Что касается Скрябина – он мне интересен гармонически, но в отношении музыкальной структуры он весь квадратный, что мне совершенно не свойственно. Насчет лейтмотива судьбы в «Кассандре» – это случайное совпадение.

– Совпадение на уровне подсознания?

– Да, конечно.

– Кстати, ваша «Кассандра» для оркестра (1992) была написана буквально через год после одноименного опуса Владимира Тарнопольского. Это было творческим ответом?

– Нет, я не знала тогда о произведении Тарнопольского, а название возникло спонтанно. Мне всегда трудно даются названия, поэтому часто их придумывает мой муж Дмитрий Смирнов. Тогда он купил мне грелку «Кассандра» (в Англии по ночам выключается отопление) и сказал: «Тебе это очень подходит по смыслу твоей пьесы». Можно к этому относиться мистически... Кроме того, тогда я часто бывала на концертах знаменитой виолончелистки Каринэ Георгиан, которая тоже давно живет в Англии, – ее внешний облик напоминал мне пророчицу. Это не отражено в посвящении, но ей лично я говорила о том, что Кассандра – это она. А вот моя «Готика» стала творческим ответом Юрию Каспарову. Недавно он прислал нам свою книгу «...И я – композитор!» и свою симфонию «Нотр-Дам», где, подобно Янису Ксенакису, он действовал, как архитектор. Идея симфонии мне понравилась, но были некоторые претензии по поводу пропорций, реального звучания математически вычисленной структуры. Денисов всегда говорил: «Мы должны понимать, что структура – это одно, а музыкальная форма – это другое». И мне захотелось написать свою пьесу, основанную на той же идее готического собора, где бы музыка следовала взгляду прохожего – снизу вверх.

– Раз уж мы заговорили о структуре: есть ли в вашей музыке более или менее регламентированная техника композиции или же вы доверяете исключительно внутреннему слуху?

– Если я пользуюсь додекафонной техникой, то очень свободно. Изредка бывают у меня алеаторические квадраты. При этом я с почтением отношусь к классической форме, творчески ее модифицирую. Мои принципы развития по существу сонатные.

– Насколько точно вам удается записать на бумаге первоначальный замысел? Он сильно трансформируется в процессе воплощения?

– Бумагой я не пользуюсь уже 10 лет, работаю за компьютером. Замысел, конечно, трансформируется. Вначале у меня довольно туманное представление о сочинении, оно обретает ясность и детали постепенно.

– Рациональное и эмоциональное в ваших сочинениях естественно сосуществуют или сначала вы строите предкомпозиционную схему, а затем эмоционально ее трактуете? Как это нередко бывает у Софии Губайдулиной...

– Я ничего не рассчитываю заранее, структурное и эмоциональное для меня неразделимы. Однажды я жила у Губайдулиной неделю (это был 2009 год), и она показала мне одно из своих оркестровых сочинений. Оно мне понравилось, но я высказала предположение, что започительный аккорд, хотя он и с фермой, на мой слух, должен звучать как минимум на такт дольше. На что София Асатовна ответила, что не может добавить этот такт, потому что тогда нарушится ее предварительный математический расчет.

– Кто повлиял на ваше музыкальное становление?

– Прежде всего, это, конечно, «троица» Эдисон Денисов – София Губайдулина – Альфред Шнитке. Конечно, Филипп Гершкович – под его руководством я анализировала Бетховена, Моцарта, Шёнберга. Конечно, Юрий Холопов... Когда я еще училась в Мерзляковском училище, его уроки по анализу музыкальных форм для меня были фактически уроками по композиции. Конечно, я изучала много всякой современной музыки. Это стало возможным благодаря Денисову, у которого была замечательная библиотека и невероятное количество записей. Кроме того, уже окончив Московскую консерваторию, я старалась не пропускать его собрания по вторникам в новом корпусе, где он показывали и анализировал партитуры многих западных авторов.

– Кто вам близок из композиторов-современников?

– Мой муж Дмитрий Смирнов, моя дочка Алиса Фирсова. Сейчас она тоже очень успешный композитор, в Англии становится даже более известной, чем мы. В этом году у нее премьера на фестивале BBC Proms. Высоко ценю Александра Вустина, многое близко и интересно в сочинениях Владимира Тарнопольского (правда, последние его вещи я не знаю). Из английских композиторов – Джонатан Харви, Оливер Нассен, Джордж Бенджамин. Но вообще сейчас современная музыка нравится очень редко, больше хочется слушать классику.

– Мне кажется, вы относитесь к не слишком распространенному сегодня типу композиторов (во всяком случае, если иметь в виду Россию и русское зарубежье), кого еще интересует сам по себе материал,

(я имею в виду, например, камерные кантаты «Лесные прогулки», «Перед грозой» на стихи Мандельштама). Однажды вы сказали: «Сочинять – значит выращивать в музыке красоту». Откуда такая склонность, казалось бы, не отвечающая деструктивной тенденции времени?

– Прежде всего, от Эдисона Денисова, бывшего одним из моих учителей. Я считаю, что главным в нашем мире остаются искусство и красота. Это то, что оправдывает наше существование.

– Насколько у вас сохранились связи с Россией?

– Я уехала из России 24 года назад и не была там 10 лет, поэтому очень смутно представляю себе ситуацию в российской культуре. Думаю, сейчас меня практически ничего не связывает с Москвой, кроме некоторых друзей. Когда мы с Дмитрием Смирновым уехали, нас тут же, в лучших советских традициях, перестали исполнять. Правда, раз в несколько лет наши сочинения играет ансамбль «Студия новой музыки», о чем мы узнаем постфактум. Так что сейчас до России мало что доходит из того, что я делаю, даже в виде записей.

– Назовите несколько ваших последних сочинений, которые еще не знают в России.

– Сейчас я пишу очень много, потому что с тех пор, как выросли дети, стало много свободного времени. Только что закончила концертно для клавесина со струнным оркестром и ударными (долго мучилась с названием и в результате согласилась с вариантом Дмитрия Смирнова «Ночные тени»). Недавно завершила Альтовый концерт, сейчас работаю над Двойным концертом для скрипки и виолончели с оркестром по заказу Немецкого симфонического оркестра Берлина. Еще из недавних опусов – «Времена года» для голоса, струнного оркестра и ударных на стихи Валерия Носарева. Лет пять назад я написала «Элегий-концерт» памяти Мстислава Ростроповича (всего у меня 4 концерта для виолончели с оркестром, очень люблю этот инструмент). Мои самые известные на Западе сочинения – оркестровые и более давние, но не уверена, что они известны у вас, – «Сад сновидений» (заказ амстердамского «Консерттебау»), «За семью печатями» (с посвящением Тугану Сохиеву).

– Какие ваши произведения кажутся вам наиболее удачными?

– Самые важные для меня – Реквием на стихи Анны Ахматовой, «Прорицание» для хора с оркестром на текст Уильяма Блейка. Я выделяю мандельштамовские кантаты («Tristia», «Земная жизнь», «Перед грозой», «Воронежские тетради»), виолончельные концерты №№ 2–4, Второй скрипичный концерт... Кстати, к моему 65-летию в Англии выходит авторский диск с камерной музыкой разных лет.

– Что интересного сейчас происходит на британской музыкальной сцене?

– Здесь слишком много хороших концертов, посетить все физически невозможно. Очень люблю ходить на Бернарда Хайтинка, он уже живая легенда. Когда-то мы много ходили на Пьера Булеза (сейчас он уже не дирижирует). Я бы хотела сказать вот о чем: современную музыку сейчас играют все меньше. И эта тенденция заметна не только в Англии, но и вообще в Европе. Сейчас нет моды на современную музыку, залы не хотят платить авторские...

– Возможно ли в современной Англии жить исключительно творчеством?

– Нам это удастся, но мы с Димой – исключение из правила. Возможно, отчасти дело в том, что у нас с советских времен выработалась привычка жить довольно скромно в сравнении с тем, как живут западные люди. Скажем, мы не ходим в рестораны слишком часто. К тому же у нас есть собственный дом и не надо платить за аренду. Когда мы приехали в Англию, первые несколько лет нас буквально заваливали заказами, и за счет этого мы успели купить жилье до резкого подорожания. Сейчас это было бы уже невозможно.

Беседовала Ирина СЕВЕРИНА

кто стремится к утонченной проработке музыкальной материи. Вы совсем не принимаете позицию концептуалистов?

– Концептуализм я полностью отрицаю, считаю, что это подмена ценностей музыкального искусства философией. Концептуализм уже почти убил живопись, где ситуация сейчас просто катастрофичная. Я знаю, о чем говорю, потому что у нас сын художник и скульптор. Он пытается с этим бороться, идет против течения, но это очень сложно. Сложнее, чем в музыке.

– С русской культурой вас связывает любовь к поэзии Осипа Мандельштама: среди ваших произведений очень много опусов на его тексты. Чем вам так близка его поэзия?

– Я всю жизнь пишу музыку на его стихи, в том числе и сейчас. Только в прошлом году закончила два сочинения на его слова. Через каждые несколько произведений непременно возвращаюсь к его поэзии. Более того, вообще вся моя музыка (не обязательно вокальная) так или иначе связана с ним. Через Мандельштама я поняла, что хочу сказать в искусстве. Бывает, что читаешь чьи-либо стихи как бы со стороны, а в случае с Мандельштамом у меня всегда возникает чувство, что если бы я была поэтом, то хотела бы говорить именно так. Мне очень близка его эстетика, близки его образы красоты, связь с традицией. Я считаю, что подлинное произведение искусства должно вбирать в себя предшествующие достижения.

– В вашей музыке это очень слышно. А что касается русских поэтов Серебряного века, то вы ведь писали музыку и на стихи Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Бориса Пастернака.

– Конечно, я люблю весь Серебряный век. Ахматову больше, чем Цветаеву, так как Анна Андреевна более классична.

– Вы коснулись категории красоты, которая очевидна в вашем творчестве